

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ:
или почему важны квир и деколониальность

?

На обложке этой публикации картина художницы Жылдыз Бекова,
созданная специально для выставки «Жакшы көрөм»

пересечения:
или почему важны
КВИР
↙
деколониальность
?

Марина Солнцева и Алтын Капалова

Этот текст написан как диалог-перекличка двух активисток, художниц и феминисток с деколониальной оптикой. Мы писали его целый год (и это не приуменьшение), потому что были выгоревшими, уставшими, борющимися, счастливыми, грустными, немогущими сесть за стол, в самолетах, помогающими, не могущими помочь. Мы переносили дедлайн семь раз, и все равно не могли закончить этот текст. Что-то нас останавливало, потому что темы вдруг оказывались слишком личными. Мы хотели писать в поездах и самолетах, в Бишкеке, Гонконге и Берлине, мы извинялись, что у нас проблема с этим текстом, и снова натыкались как будто на стену. Мы относились друг к (по)дружке с пониманием и терпением. У нас были финансовые проблемы, потери и теплые встречи с подругами. Параллельно мы заканчивали проекты, преподавали ученицам и ученикам, курировали выставки, наталкивались на проблемы с правосудием в наших странах, поддерживали друг (по)дружку, и иногда плакали. Мы рады, что за неделю до конца 2024 года мы заканчиваем это эссе.

Этот текст написан не как журналистское высказывание, или как академическая статья, а как текст-рефлексия. Как перекличка. Как рефлексия длинною в год, рожденная в многочисленных разговорах и спорах с подругами, коллажами, выступающими на конференциях, и курирующими проекты в сфере политического образования и производстве культуры. Рефлексия о том, с чем сталкиваются феминистки, активистки и художницы, работающие в деколониальном и квир-поле. В этом тексте мы обсуждаем, что мы вмешаем в слова “квир” и “деколониальность”, а также, насколько текстовые нарративы отражают происходящее (жизнь/процессы), и надеемся, что это тексто-высказывание поможет понять всю сложность культурной работы в том региональном поле, в котором мы работаем.

О работе с памятью, памяти, миграции, переездах и себе:

“Я всегда говорю, что деколонизация исторического нарратива, репрессии в советское время, Уркун - для меня не умные концепции, не теория, не страницы из учебников. Это история моей семьи. Мой бабушки, которая сидела в тюрьме за то, что взяла полмешка зерна из своего же поля. История моего деда, чьи сестры были оставлены в Китае во время Уркун.”

Алтын Капалова

Мне кажется, что я живу очень давно в этом мире. Раньше я себе объясняла это тем, что видела две эпохи - советский период Кыргызстана и Независимый Кыргызстан и все социальные катаклизмы - 80-х, 90-х, нулевых и десятых. Правда же супер насыщенные годы были? Нет, я понимаю, что мне сороковник, но мне кажется я живу много-много лет, больше чем 40 лет, намного больше. И я понимаю, что видела переход одного тысячелетия в другое тысячелетие, но и это другое. Недавно я поняла почему мне кажется, что я так долго живу на этом свете. Из-за эмоций и впечатлений.

Когда я была ребенком мы бесконечно переезжали из села в город, из города в село, из села в село, из села снова в город и снова в село. Плюс к этому мы ездили на каникулы к бабушкам с двух сторон. Это были очень разные села.

А бабушка с папиной стороны жила в большом селе на трассе, с огромным личным кукурузным полем у дома и яблонево-абрикосовым садом. Мы сидели на деревьях и ели плоды, спрятавшись от взрослых. Вокруг дома Эне были дома ее сыновей. По ночам я кочевала из одного дома в другой, где меня укладывали спать то одна родственница, то другая.

У тайне и тайата было горное маленько село - совершенно отрезанное от мира, утопающее в зелени с добрыми людьми. Отдельный мир, примерно как в фильме Аватар.

Каждый переезд был как маленькая смерть (скучала по старому месту жизни) и новая жизнь. Новые улицы, новый дом, новый сад, новые одноклассницы, новые соседки, новые магазинчики, новые деревья по дороге в школу, новые учительницы, новый вид на горы, озеро, леса. Потом я выросла и ушла учиться. Потом была трудовая миграция в Германию. Потом были студенческие годы. Годы активной работы. Потом была учеба то в этой стране, то в другой. Потом бесконечные исследования в десятках сел Кыргызстан. Каждый раз я получаю впечатления, новые чувства, ощущения. Еда, воздух, вода, люди, земля - всё другое, всё разное. Наверное, поэтому у меня чувство, что мы - многовековые подруги с этим миром.

Самые сильные воспоминания обо мне самой и самые сильные ощущения себя остались в селе Тюп. Это был конец 80-х, наверное, мне лет 5-6, это период, когда ты изучаешь себя и понимаешь что ты - это ты. Такого сильного ощущения себя у меня больше не было никогда. Я ходила по рощам села Тюп, по пустынным улицам, по старому парку с большими дубами, по коридорам Дома пионеров и чувствовала себя. Я до сих пор себе кажусь той маленькой девочкой - доброй, спокойной, улыбчивой и задумчивой. Такой я себя помню. Такой я себе казалась и кажусь сейчас. Но я - не маленькая девочка. Я - взрослая женщина, которая начала снова думать о себе и ощущать себя. Заботиться о своем здоровье, о своих мыслях и мечтах. Вот стою у въезда в село Тюп, к которому у меня трепетные чувства. И это не потому что там растет прекрасная трава. А потому что там появилась я для себя самой.

О политическом образовании:

Одри Лорд сказала, что основные линии дискриминации людей - это *sex, race, class, gender, age*. Мы все это знаем, но почему мы продолжаем работать с этими группами по-отдельности?

Почему когда мы говорим о феминизме или квир-темах, чаще всего мы представляем себе белых людей? А почему, когда мы говорим о деколониальности и расизме, или общаемся с человеком небелым, то чаще всего представляем себе, что человек *straight*. Откуда это берется, и может ли быть по-другому?

Этим дебатам нужно место - просто место для разговора, обмена, место для перевода. Перевода не в смысле языка, с одного языка на другой, а в смысле объяснения, расшифровывания, пояснения.

Когда мы говорим “деколониальность” - имеем ли мы в голове одно и то же? Можем ли мы быть уверены, что наш друг или подруга тоже представляют то же самое? Как это узнать? Спросить! Но спросить не в точке кипения, когда спор за термины становится таким жарким, что переходит на крик, а в точке обмена, соприкосновения - а что для тебя значит то, а что для тебя значит это?

А как часто мы думаем, что какое-то мероприятие предназначено только для взрослых, и детей сюда лучше не брать? Так мы и растем с самого детства в атомизированном обществе, где есть место одним, но нет места другим. А что будет, если на мероприятие по квир-тематике позвать ребенка? Чаще всего будет просто обычный вечер и много новых знакомств. Когда меня в очередной заявке просят описать целевую группу, я останавливаюсь. Как я скажу, что вообще-то я буду рада всем?

Сети! Вот что вам нужно! Выстраивать сети вокруг, чтобы поймать доминантный нарратив за хвост. Окажется, что он не такой уж и доминантный, если все вокруг начнут говорить по-другому. Пространство для знакомства, вот чего *нам не хватает* - *пространства для знакомства с Другими, непохожими*.

Об исследовании и преследовании:

Нужно понимать, что есть традиционные каждодневные практики, есть ритуальные практики, есть праздничные традиционные практики, есть вредные традиционные практики, есть полезные, есть культурное наследие. Как бы это не нравилось нацпатрикам я специалистка в области культурного наследия. И занимаюсь этим профессионально.

Я обожаю смотреть на удивленные выражения лиц нацпатриков, когда на публичных обсуждениях, я начинаю говорить на кыргызском и аппелировать к традициям. Им придется потрудиться, чтобы найти кого-то кто так хорошо знает народные ремёсла и устное народное творчество.

Моя научная деятельность 10 лет была посвящена традициям коммуникаций в кыргызском обществе, традиционной системе родства и социальных сетей. Потом я сместила свои научные интересы в исследования современных процессов, которые имеют связь с прошлым.

Квир-литература имеет свое прочное место в литературном Кыргызстане. Квирные произведения не включены в повестку формальных институтов, но квирные авторы издаются, квирная литература читаема и имеет свою аудиторию. *Большое количество неопубликованных квирных произведений говорит о потребности издания сборника поэтических и прозаических произведений кыргызских писательниц и писателей, особенно на кыргызском языке.* Большинство из них не готовы издаваться под своими именами, но готовы публиковаться под творческими псевдонимами. Мы опубликовали целое исследование, которое посвящено квирному в кыргызской культуре, сейчас его закрыли из-за законов.

**О закрытии
выставки, квирности
и невозможности
частичного принятия:**

Дорогие все,

Этот пост очень грустный, но важный.

Прочтите, пожалуйста, если вы ходите на наши выставки и планировали прийти на «Жакшы көрөм».

Самое главное, что есть у нас, у Музея фем и квир искусства – это свобода самовыражения. И нам не нравится, когда нас цензурируют. Нам не нравится, когда пытаются стереть нашу идентичность. Нам не нравится, когда сомневаются в качестве женского искусства. Нам не нравится, когда нам ставят условия. Нам не нравится слышать «давайте сначала защитим права нормальных женщин, а потом подумаем о ваших».

Не бывает так, что у кого-то больше прав, у кого-то меньше.

Права нам даются с рождения вне зависимости от всего.

Поэтому когда нам говорят «фем – это окей, уберите слово «квир» и мы будем дружить», – нам это не просто не нравится, нас это бесит. Это как позвать в гости и сказать «мне не нравится Ваша рука, оставьте ее сегодня дома, а все другие части тела окей, они нам приятны».

И дело совсем не в нас, мы в состоянии пережить то, что кто-то не может принять нашу квирность. Дело в том, что происходит в этой стране. Никому не будет хорошо в стране, в которой топчут права ее граждан_ок. Ни частному сектору, ни НПО, ни НКО, ни юр лицам, ни физическим. Никому. Никому не будет хорошо. Именно поэтому мы приняли решение больше не сотрудничать с ололо.

И нам это решение далось очень легко. Потому что мы точно знаем зачем существуем и точно знаем кто мы. Мы – Музей Фем и Квир искусства. Мы создаем искусство для гражданской борьбы. Мы используем искусство – для выражения нашей гражданской позиции. Мы – квир музей и мы не будем из-за возможности иметь 10 дней физического пространства для выставки скрывать свою идентичность.

Наша выставка «Жакшы көрөм» отменяется,
чтобы завтра не отменили нас самих.

Мы просим прощения у всех художниц, которые потратили время и ресурсы для подготовки к этой выставке. Мы просим прощения у наших посетительниц и посетителей, которые планировали прийти на «Жакшы көрөм». Все еще будет. У нас еще будет возможность сказать «жакшы көрөм».

Картина художницы Жылдыз Бекова, созданная специально для выставки «Жакшы көрөм», теперь в коллекции нашего Музея фем и КВИР искусства.

Силерди жакшы көрүп,
MoFA+

О вопросах, которые мы постоянно себе задаем:

Кто мы? Откуда? Куда мы идем? А когда мы первый раз целовались? Как найти выход из безумной системы насилия? Какую историю рассказывала тебе твоя бабушка? Было ли тебе вкусно, когда ты ела хлеб с маслом и сахаром? Как можно увидеть, когда ты уходишь? Ждала ли ты меня каждую секунду три года подряд? Какую песню поешь, когда никто с тобой не говорит? Как можно забыть то, что никогда не знала?

Зачем это всё? А помнишь анкеты, которые мы подписывали друг другу в детстве? А запах сверчков? Как лают собаки? Как называется машина опрессии, пять букв по горизонтали? Как можно плакать вовнутрь? What is need to be done? Бей? Беги? Стой? Замри? Дыши? Люби? Как звали твоего прапрадедушку? А можешь ли ты нарисовать солнышко и семейное дерево до седьмого колена? А выпить воду в Ысык-Көл? Что делать, если памяти нет? Почему у тебя такие глаза? Такие уши? Такие пятки? Куда делись архивы? И почему наши учебники истории рассказывают разные истории о Микки-Маусах?

Нужен ли тебе пакетик за три пятьдесят, который лежит на столе? Говори? Пиши? Разучись? А что такое время? Если прошлое слилось с настоящим, то где здесь я? И умеешь ли ты готовить борщ? А плов? Как зовут твою школьную подружку? И можно ли быть в трех местах одновременно? А в трех временах? А в десяти? Что это за штуки, которые живут со мной дома? Старый добрый хлам? Пауки? Мемори? Колечки от мамы? Как называется тряпка, которой ты вытираешь пол? Зачем ты обижашь соседа? И что тебе снилось три года назад, когда ты проснулась уставшей?

Умеешь ли ты дышать, как будто никто не смотрит? А что если земля плялится на тебя из-под ног? Какие цветы видишь ты, когда закрываешь глаза первого января? Зачем рисуешь вилкой узоры на рассыпанном сахаре? И как спастись от этой жары? Где взять воду? И чьи камни? Чья война? Куда делись деревья? Куда делась гора? И море? И как быть, если родина - это набор пограничных постов? Как сказать слова, которые говорить нельзя? Что на заборе написано? А может какие-то слова лучше не говорить? И что ты будешь - чай или кофе? Из чашки или пиалушки? Половинку или четвертинку? И почему мы не пишем письма женщинам в тюрьмы?

Как можно это есть? Куда деть комок из горла? Какая сказка твоя любимая? В какую игру ты играла во дворе? Что делать, если снежинка не растает, когда часы двенадцать бьют? На каком глазу ресница? И где живёт бармалей? Почему кошки чувствуют меланхолию? А дома похожи на тараканов? Падал ли ты когда-нибудь ночью пьяным в арык? Давай нормально чай попьем? Что такое пропасть и где океан? Почему мы кладем ракушку на домашний алтарь? И идем на гору в феврале? Как фыркают лошади? С кем ты ходила в один класс? Почему?

О практическом упражнении:

Упражнение один: посмотрите вокруг.

Самый простой чек на интерсекциональность - это посмотреть вокруг, и спросить, а кого еще мы забыли в этой комнате?

А теперь давайте посмотрим на то, как работают доминантные системы производства знания: например, гетеронормативная система, или система патриархальная, или просто система где доминантная культура - другая, не такая как у вас

Что происходит? Происходит *silencing*.

Есть много исследований, которые показывают, что если в комнате за круглым столом будет больше мужчин, то женщины будут высказываться меньше, реже, и вообще говорить меньше минут, просто попробуйте понаблюдать за этим на следующем мероприятия. Так же происходит и с небелыми людьми в белой компании.

“Ну пусть они сами чаще говорят за себя!”, скажет кто-нибудь, может быть. Это невозможно. Невидимые линии иерархий так опутывают людей, что их даже невозможно ни отследить, ни проговорить, почему так происходит. *Silencing* работает в обе стороны - когда доминантный нарратив просто скрывает нарратив угнетенной группы, но бывает и наоборот - когда сами представительницы угнетенной группы настолько привыкли к редукции, что уже начинают цензировать сами себя.

Это хорошо исследованный феномен со стеклянным потолком - когда люди, которые долгое время, как группа, испытывали угнетение, начинают сами себя сдерживать и меньше высказываться. Так мы теряем очень ценные перспективы - казалось бы мы должны радоваться другим мнениям, а на самом деле мы их даже не видим, и не получаем. Так и создаются параллельно существующие системы знания. Как два отдельно существующих баббла.

Поэтому нам срочно и отчаяно нужно интерсекциональное пространство - пространство где люди с одним опытом угнетения могут делиться с людьми с другим опытом угнетения. И находить что-то похожее, а что-то разное.

Почему это максимально важно для нашего контекста?

Деколониальная перспектива только сейчас становится видна. Как долго она была скрытой, и эти невидимые механизмы медленного насилия мешали людям говорить

Сложно высказываться о деколониальности, когда на мероприятиях вокруг присутствуют только люди из центральных городов. Практически невозможно. Это точка конфликта, к которому многие активистские группы еще не готовы.

О деколонизации языка и любви:

«Мен сени жакшы көрөм» – я тебя хорошо вижу – так мы признаемся в любви, и это никак не связано с героями Кэмерона из фильма «Аватар» Мы говорили так до возникновения Голливуда. Словами «я тебя хорошо вижу» – мы говорим о своих теплых чувствах, и не только романтических. Этими словами мы признаемся в любви своим детям, родителями, друзьям, любимым, природе, вещам, привычкам. Со словом «видеть» в кыргызском языке связаны описания чувств. *Көрүп турал* – я чувствую: чувствую твою боль, процессы, изменения. С помощью слова «көз» – глаз – также описываются наши чувства, отношения между нами и процессы:

Көздөшүп жүрөлү		чтобы мы всегда были рядом, сообщались, не теряли друг друга
Көзү барында		пока она среди нас (букв. пока есть ее глаза – ааавввв как же это мило)
Көз түшүү		желать страстно
Көз ачырбай		непрерывно (букв: не давая открыть глаза)
Көзгө көрүнөрлүк		существенный, важный
Көзгө илбей		игнорировать
Көз болуу		заботиться
Көзгө басар		единственная
Элдин көзүнө көрүнду		стала известной, популярной
Көзүмөн от чачырады		сильная боль (букв: посыпался огонь из глаз)
Көз жаздымда калган		оставшиеся в тени, без внимания
Көздөрү күлүп турат		обаятельная (букв: ее глаза улыбаются)
Көз ирмөм		мгновение (букв. моргание глаз)
Көрөгөч		думающий стратегически, мыслящий вперед
Көз ачып жумганча		молниеносно

“Когда я вижу старинную утварь в наших музеях, я проваливаюсь в крохотный горный домик без электричества моих тайне и тайата: я сижу на деревянном полу на тёшёках у низкого круглого столика, накрытого вышитой скатертью. я вижу мою бабулю, которая взбивает масло в деревянной чашке, вижу как она протягивают мне пиалу с чаем, в котором плавают тонкие молочные пластины, собранные с поверхности кипяченного молока. я, маленькая девочка с маленькой ложкой, собираю эти плёнки на свою ложку и ем, а моя бабуля докладывает мне молочной плёнки. Тайне, я так тебя люблю. Как жаль, что я не понимала этого и не успела сказать тебе. И как жаль, что я не верю в загробный мир, где мы могли бы встретиться, и я могла бы тебя обнять и сказать, что этот патриархальный мир был так жесток к тебе, что я знаю, что ты не была ведьмой, как все вокруг говорили. Ты самая прекрасная бабушка всех миров и планет, и самая родная. И полная херня, что в нас не текла твоя кровь, и поэтому ты не родная. В моих венах до сих пор течет любовь, которую ты мне дарила, и она делает тебя самой родной для меня.”

Алтын Капалова

А тəшəк [təşək] made in the kurak technique (an ancient technique of patch-work making). 1970s, 20th century. Craftswoman Sayragul, Issyk-Kul region. From the collection of the Museum of Feminist and Queer Art

НЕСГИБАЕМАЯ

Ты только родилась, ты должна выжить, ты начинаешь чувствовать воздух, пространство, прикосновения. Тебе больно всё новое. Ты только что родилась и тебе говорят «мы тебя не хотели». Тебя не хотели, потому что хотели мальчика. А ты – девочка. Близкие люди дают тебе имя, чтобы ты не забывала, что они ждали не тебя. Тебя называют – Уулболсун (ул - сын, болсун - пусть будет), Уулкелсин (пусть сын придет), Уулча, Уултай, Жаңыл (перемена), Бурул (поворот), Бурулча, Токтоайым (токто - остановка, аим - женщины), Мырзагуль (мырза - мужчина, гул - цветок), Алмаш (замедлить) и так далее. Ты живешь с этим именем всю жизнь. Твое имя становится частью тебя. Но ты не перестаешь быть женщиной.

Кого ты видишь, когда ты смотришься в зеркало?

Ты видишь себя, а не чье-то желание иметь сына.

Ты родилась, чтобы прожить свою жизнь, и ты не ошибка судьбы.

Меня зовут Алтын, мою сестру зовут Жаңыл. Я – пятая девочка в семье. Несмотря на то, что мою сестру называли Жаңыл, родилась и выжила я – девочка. Я выросла, у меня появились дети. Трое детей. И я дала им свое имя. За что государство подало на меня в суд. Три года я судилась с государством. Я дошла до Конституционного Суда, который разрешил гражданкам моей страны брать матчество. Но решение суда отменил президент страны, который посчитал, что женщины, рожающие и воспитывающие своих детей, не имеют права давать им свои имена. Имя женщины – не преступление. А называть девочек «пусть будет мальчик» – это эмоциональное насилие.

Известны случаи, когда женщины меняли свои дискриминирующие имена. Мы, женщины, можем это делать. Мы, женщины, можем бороться за свои имена в документах своих детей. Мы, женщины, можем давать имена, которые приветствуют рождение дочерей. *Мы можем и мы будем.*

Издатели этой публикации несут ответственность за содержание и мнения, выраженные в ней.

Gefördert vom

Bundesministerium
für Familie, Senioren, Frauen
und Jugend

im Rahmen des Bundesprogramms

Demokratie *leben!*

